

Подлежит возврату
в У сектор СО ЦК.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! СТРОГО СЕКРЕТНО.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П6060.

19 мая 1933 года.

Т.т.Кирову, Куйбышеву, Микояну, Орджоникидзе,
Петровскому, Чубарю, Андрееву.

ЧЛЕНАМ ПРЕЗИДИУМА ЦКК: т.т.Антипову, Ильину,
Креницкому, Рудзутаку, Сольцу, Шкирятову,
Ярославскому.

По поручению тов.Сталина рассылаются два письма
т.Зиновьева.

Т.т.Сталин, Ворошилов, Молотов, Калинин и Каганович
предлагают отменить в отношении Зиновьева ссылку и раз-
решить ему проезд в Москву для определения вопроса об
его работе.

ЗАВ. СО ЦК

Кустанай
8 мая 1933 г.

Тов. И.В.СТАЛИНУ

Дорогой товарищ!

Я знаю, что люди, идущие против партии, не имеют никаких оснований ожидать от Вас снисходительности. Но я знаю также, что человеку, до конца понявшему свои ошибки и проступки против партии и действительно желающему честно исправить их, Вы никогда не откажете в известной помощи — как бы тяжелы ни были предыдущие ошибки и проступки этого человека. Вот почему меня не оставляет надежда, что и мне Вы не откажете в помощи.

Я отсылаю сегодня письмо в ЦК партии и позволяю себе обратиться к Вам лично. Если я решаюсь это сделать, то только потому, что с моей стороны изжита абсолютно та полоса, которая привела меня к отщепенству от партии. Я пишу Вам это с тем же чувством, с каким писал бы Владимиру Ильичу. Этим сказано все.

Я прошу Вас об одном: поверить, что в посылаемых письмах Центральному Комитету партии и Вам лично я говорю правду и только правду, без всяких "резервов" "в уме" и т.п. Я не раз проверил себя за эти 6 месяцев и могу сказать только одно: что бы ни случилось — никогда я больше ни в поступках, ни в настроениях не отойду от ленинской линии ЦК, возглавляемого Вами, никогда не допущу не только нелояльности или двусмысленности по отношению к руководящим органам партии, но не допущу и малейшей пассивности, выжидательности и т.п. — если только смогу когда-нибудь, где-нибудь в какой-нибудь области работать для партии. Ни одного шага, ни одного слова, идущего вразрез с линией, решениями, мнениями партии от меня никто не увидит и не услышит. Все силенки, какие еще найдутся, отдам на то, чтоб хоть немного загладить вину перед партией, перед ЦК, перед старыми товарищами. Ничто, решительно ничто, не отделяет меня теперь от партии, от ее решений, ее работы, от того отношения, которое в партии и в рабочем классе

существует к Вам лично, как к вождю и учителю международно-го пролетариата.

Я достаточно отдаю себе отчет в своем положении, чтобы понимать, что если после всего происшедшего я могу еще рассчитывать на какое-либо снисхождение со стороны товарищей, то уж конечно в последний раз. Мое решение сделать все, чтобы заслужить доверие ЦК и лично Ваше, есть абсолютно твердое решение, и я прошу об одном: дать мне хоть какую-нибудь возможность доказать это на деле.

Я наказан за дело. Требование, предъявляемое к члену партии, чтобы он немедленно и без выкрутасов доводил до сведения партии о малейших шагах, направленных против нее, есть элементарное требование, и только политически больные люди могут на это смотреть иначе. Нечего и говорить, что где бы я в дальнейшем ни был, никаких связей с кем бы то ни было из людей, настроенных против линии партии, я иметь не буду и каких бы то ни было "секретов" таких людей никогда хранить не стану.

Тов. Сталин, прошу Вас товарищески принять мое заявление, что я был с самого начала и до конца во всем не прав против Вас лично и не видеть в соответственных местах моего письма в ЦК ничего другого, кроме заявления, которое я честно выносил и делаю с открытой душой.

Не буду распространяться, как грустно, как тяжело мое положение (говорю о партийно-политической стороне дела) сейчас, когда после стольких лет работы в большевистской партии, стольких лет работы рука об руку в В.И., с Вами, с рядом руководителей партии, с рядом старых рабочих-большевиков - я стал отщепенцем. И я живу только надеждой, что Вы поможете мне выбраться вновь на партийный путь и откроете мне дорогу назад в партию.

Я очень, очень прошу разрешить мне вернуться из Кустаная. Не хотелось бы говорить и о чисто личном. Но не могу не сказать, что здоровье крайне подорвано, что о лечении здесь не может быть и речи, что здешний климат мне очень вреден, что обстановка морально тяжела до последней степени.

И еще об одном очень прошу Вас: если моя просьба будет уважена, но все-таки мне нельзя будет остаться в Москве или под Москвой, то я буду проситься в какой-либо город на Ср.Волге или в ЦЧО. Но все-таки пусть я буду выслушан раньше, чем вопрос обо мне в дальнейшем будет решаться. Горячо прошу о том, чтобы мне было разрешено в Москве повидать кого-либо из членов ЦК или ЦКК, ибо я хочу устно досказать то, чего никак не скажешь в письме.

С искренним приветом

Г.ЗИНОВЬЕВ

Кустанай
8 мая 1933 г.

В Ц К В К П (с)

Товарищи!

В добавление к тому, что я писал в своем заявлении от 3.ХП.32 г. я считаю себя обязанным сказать следующее.

Моя октябрьскую 1917 г. ошибку В.И. Ленин назвал "не случайной", а в момент совершения ее он справедливо обрушился на меня за нее самым беспощадным образом. Когда В.И. умер и каждому из нас пришлось заново испытывать свои силы, я в новой и трудной обстановке сделал ряд новых тяжелых ошибок, которые связаны с моей ошибкой октября 1917 г. Моей в корне ошибочной установке 1925-1927 г.г. большинство тогдашнего ЦК партии во главе с т.Сталиным дало решительный отпор. Вместо того, чтобы понять и признать свои тяжелые ошибки, вместо того, чтобы преклониться перед решениями и мнениями ленинского ЦК, штаба и мозга мирового коммунизма, я зарвался и стал полагать, что правда на стороне моей и небольшого меньшинства, разделявшего мои ошибочные взгляды, а не на стороне партии, ее ЦК, ее вождя тов. Сталина, истинного продолжателя дела Ленина. Я вместе с другими создал антипартийную фракцию против ЦК, вскоре сблизился с Троцким против ленинской линии партии. Все дальнейшее, случившееся со мной и приведшее меня к положению отщепенца уже с неизбежностью вытекло из этого.

х х
х

Из моих теоретических и политических ошибок главную, несомненно, была ошибка в вопросе о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. Отрицая эту возможность, я воображал, что зову партию идти по ленинскому пути. Между тем, на деле я тащил ее на путь троцкизма, на путь социал-демократии. И в те времена, когда я

еще принадлежал к антитроцкистскому лагерю, я в этом решающем пункте борьбы против Троцкого не вел. В этом основном вопросе теории ленинизма вся тяжесть борьбы после смерти Ленина с самого начала легла на тов. Сталина.

Когда партия устами т. Сталина сказала, что я и те, кто разделял мои ошибки, впали в социал-демократический уклон, я искренно негодовал на это, считая, что это обвинение выдумано и что "вина" за это лежит главным образом на т. Сталине. Теперь я не могу не видеть, что тут не было ни малейшего преувеличения, что это действительно был социал-демократический уклон и что "вина" т. Сталина заключалась лишь в том, что он яснее, глубже, резче чем кто бы то ни было после Ленина поставил этот вопрос и дал решительный бой тем, кто обстреливал эту решающую позицию. Другими словами, это была не вина, а величайшая теоретическая и политическая заслуга т. Сталина. Не защитив этой решающей позиции, не разгромивши тех, кто на нее пытался посягать, нельзя было отстоять ленинское наследство, нельзя было обеспечить строительство социализма в СССР, нечего было и думать о пятилетке, а тем более о пятилетках социалистического строительства.

Этот вопрос разрешен и теоретически и практически - целиком против моих ошибок и колебаний.

Когда я читаю в докладе т. Сталина на январском 1933 г. об "единенном пленуме": "Итоги пятилетки разбили тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране. Итоги пятилетки показали, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР" - я мысленно аплодирую этому историческому заявлению вместе со всей партией. Только ренегаты типа Каутского и Троцкого могут оспаривать этот вывод.

Новые победоносные пролетарские революции в других странах придут неизбежно. Вся работа ВКП(б), как главного ударного отряда Коминтерна, приближает их и помогает им в небывалой степени.

Моя борьба против партии по вопросу о крестьянстве, конечно, связана была с тем, что я сошел с почвы ленинизма в вопросе о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. И наоборот: эта последняя ошибка связана с тем, что я сошел с почвы ленинизма в крестьянском вопросе. Отсюда мои неверные лозунги - "Лошадь безлошадному", "Союз бедноты" и т.п. Все это были лозунги, направленные на сохранение и культивирование мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, как основы всего нашего сельского хозяйства. Все это были лозунги, исходившие из той троцкистской установки, которая в лучшем случае "откладывает" социалистическую переделку крестьянства до той поры, когда социалистическая революция победит во всех решающих странах - тем самым подрывая базу социализма в той стране, где социалистическая революция уже победила.

А между тем, в это самое время партия во главе с ЦК, руководимым т.Сталиным, систематически и планомерно собирала уже всю необходимую "амуницию", чтобы перейти в окончательное наступление против кулака, перейти к ликвидации кулачества как класса, перейти непосредственно к созданию колхозного строя.

То обстоятельство, что вышеуказанные мои мелкобуржуазные лозунги сочетались у меня с паническими криками о кулацкой опасности, только усугубляет мою вину, ибо преждевременное столкновение с кулачеством только ослабило бы позиции пролетариата и усилило бы буржуазные элементы.

Что было бы, если бы партия не дала тогда отпора моей антиленинской установке в этом крупнейшем вопросе и пошла бы по пути, который я и те, кто разделял мои ошибки, навязывали партии? Это принесло бы только величайший вред делу пролетарской революции! На ХУ1 съезде партии т.Сталин сказал, что если бы в 1926-27 г.г., когда мы не имели никакой возможности заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов, партия послушалась "левых" оппортунистов - то партия наверняка сорвалась бы на этом деле,

продемонстрировала бы свою слабость, усилила бы позиции кулачества и вообще капиталистических элементов, толкнула бы средняка в объятия кулачества, сорвала бы наше социалистическое строительство и мы сидели бы у разбитого корыта. Тов. Сталин и в этом случае, как и во всем остальном, оказался совершенно прав. Да, это именно так. Это должен признать всякий, в ком есть хоть капля совести и чести пролетарского революционера. Из предлагавшейся мною в 1926-27 г.г. политики "борьбы" против кулачества могло получиться только это. Без поднятия нашей индустрии, без создания тракторных заводов, без ряда других предпосылок, мудро предусмотренных ЦК партии, политика "царапанья" с кулаком вела только к авантюризму и реально приводила к тем же самым результатам, к которым вел правый оппортунизм.

х х
 х

Потеряв ориентацию в этих коренных вопросах, я не мог не впасть в кардинальные ошибки и в других вопросах, от которых тоже зависят судьбы революции. Сюда относятся прежде всего вопросы международной политики СССР, как государства, и проблемы политики Коминтерна, как мировой коммунистической партии.

В обеих этих областях единственно правильную дорогу указал Центральный Комитет партии во главе с т. Сталиным. Весь мир вынужден теперь признать, что наша международная политика руководится вполне в духе Ленина. И только этому обстоятельству, только глубине и силе этого руководства мы обязаны тем, что, будучи окружен со всех сторон буржуазными врагами, СССР успешно разбивает все козни противников, приобретает все большее могущество, притягивает к себе все большие симпатии рабочих и угнетенных народов всего мира.

Пока Советский Союз живет в окружении буржуазно-империалистических и фашистских государств, его границам, его мирному труду всегда могут угрожать опасности. Но одно несомненно: среди всех этих трудностей и опасностей ЦК во

главе с т. Сталиным твердой рукой ведет советский корабль, используя все возможности, какие только существуют для великой пролетарской партии. Эта ленинская внешняя политика уже обеспечила Советскому Союзу целую полосу мира, и она одна способна продлить эту полосу. Но если военное столкновение нам тем не менее будет навязано, то вся партия, как один человек, будет биться под знаменем Ленина и Сталина и окружит еще более тесным кольцом доверия и любви свое нынешнее руководство, исторически сложившееся, показавшее себя на деле и возглавляемое лучшим продолжателем дела Маркса-Энгельса-Ленина. Только презренные ренегаты попытаются тут, быть может, вспомнить о пресловутом "тезисе Клемансо". Рабочий класс СССР, его партия, созданная партией славная Красная армия отнесутся к подобным изменникам так, как они того заслужили.

Правильному ленинскому руководству работой Коминтерна мы обязаны тем, что в обстановке небывало сложной и трудной партии Коминтерна закаляются, становятся средоточием всех надежд и упований лучшей части рабочих всех стран, успешно завоевывают большинство рабочего класса, не дают фашизму вызвать рабочих на преждевременный бой. Если Коминтерн успешно поборол в этой обстановке и правый и "левый" оппортунизм и, не сворачивая с ленинского пути, ведет рабочие массы все вперед, то этим мы обязаны прежде всего той правильной теоретической и политической ориентировке, вдохновителем которой является ЦК ВКП(б) во главе с т. Сталиным.

Куда завел троцкизм в вопросах международного рабочего движения? В лагерь контрреволюции! В 1933 году дело дошло до того, что Троцкий в газетах английской буржуазии нападает на германских коммунистов с тыла в момент, когда германские фашисты схватили за горло германскую компартию. Подобной подлости не допустит даже просто приличный буржуазный демократ. Но это заложено в логике вещей. Кто не сумел порвать с троцкизмом, тот неизбежно должен докатиться теперь и до помощи фашизму.

За себя скажу, что я, конечно, всей душой - с нашей славной германской компартией, вполне солидарен с резолюцией ИККИ по германскому вопросу, опубликованной после фашистского переворота. И, признаюсь: когда я подумаю, что германский коммунист, сидящий в гитлеровской тюрьме, меня не считает теперь своим товарищем, эта мысль причиняет мне самую острую боль.

х х
х

Об обвинениях партии в "термидорианстве", "национальной ограниченности" и т.п. - разрешите мне, товарищи, не говорить здесь вовсе. Слишком тяжело и стыдно вспоминать о том, что я мог тоже дойти до таких обвинений. Конечно, они связаны были с моими коренными ошибками, о которых я говорю выше. Остановлюсь еще только на вопросе о партийном режиме - пункту, на котором я сходилась и с троцкистами и с правыми оппортунистами и на котором еще и теперь играют враги партии.

Обвинения по адресу ЦК в "зажиме", в "казарменном режиме" и т.п. были и остаются клеветой на лучшую из пролетарских партий, какую знает до сих пор мир. Нужно было забыть самые элементарные законы работы партии в обстановке пролетарской диктатуры, чтобы выступать с той критикой "режима", с которой выступал и я. Только меньшевистствующие элементы могут отрицать, что в эпоху развернутого социалистического наступления большевистской партии нужна та же боевая железная дисциплина, что и во время войны. Кто до конца проникся великими задачами партии по существу, кто хочет не на словах, а на деле отдать себя целиком той грандиозной работе партии, которая ведется сейчас под руководством ее генерального штаба, тот с радостью возьмет на себя все обязательства, вытекающие из железной большевистской дисциплины, тот встретит "в штывки" какое бы то ни было подкапывание под существующий здоровый пролетарский партийный режим.

х х
х

Далее я должен перейти к тому вопросу, о котором мне особенно трудно говорить, ибо тут вина моя всего больше. Я имею в виду мое отношение в последние годы к ЦК партии.

Мои теоретические и политические ошибки последних лет очень велики. За них партия неизбежно должна была отстранить меня от руководящей политической работы. Но та суровая кара, которая постигла меня со стороны партии, и при том во второй раз - я это знаю - вызвана не только и даже не столько моими политическими ошибками, сколько другим.

Моя главная вина и моя главная беда в том, что я, пробывший так долго в партии и в ее руководящих учреждениях, не сумел, попавши в меньшинство, удержаться от антипартийного поведения, не сумел понять, что я должен уважать дисциплину по отношению к ЦК партии больше, чем всякий другой, держать строгую и честную дисциплину во всем вплоть до мелочей, не допускать никакой близости с теми, кто хотя бы в чем бы то ни было не по-партийному относится к ЦК партии. Я не сумел сохранить большевистской прямоты в отношении к ЦК партии, в отношении к товарищам, с которыми был связан десятилетиями работы. И за это я больше всего наказан. При разбирательстве моего дела в Президиуме ЦКК в октябре 1932 года я выслушал много горьких для меня слов по этому поводу. Я их передумал и я вижу, что они вполне заслужены мной и совершенно справедливы.

Именно отсюда и родилось то совершенно фальшивое положение, в котором я оказался с контрреволюционными листком и платформой, показанными мне Стэнном осенью прошлого года. Если бы у меня было вполне здоровое, прямое и простое отношение к ЦК, я обязан был в тот же день - не гадая о том, имеются ли уже эти контрреволюционные документы в ЦК, не гадая о том, кому они принадлежат - троцкистам или правым - сообщить об этом в ЦК. Мою вину в этом деле, как ее сформулировало постановление ЦКК, я признал и признаю полностью еще раз.

Я был один из тех, кто много выступал, писал и агитировал против т. Сталина, и так как этот вопрос имеет, конечно, не личное, а глубоко политическое значение, то я хочу здесь сказать и об этом.

Я должен заявить открыто и честно, что во всей моей агитации против т. Сталина я был кругом не прав. Нападки против т. Сталина, откуда бы они ни шли, в последнем счете проистекают из тех же социально-политических источников, из которых подобные нападки в течение долгих лет шли против В.И. Ленина. Нападки на т. Сталина в действительности вызваны только тем, что он является самым выдающимся теоретическим и политическим представителем ленинизма и потому самым опасным противником для всех врагов генеральной линии партии. Нападения на т. Сталина являются нападениями на все партруководство, на всю партию, на весь Коминтерн, сплотившийся вокруг т. Сталина также безраздельно и беззаветно, как раньше был сплочен вокруг Ленина. Имя т. Сталина есть знамя всего пролетарского мира. Он один вместе с ЦК партии и во главе его сумел оберечь и приумножить теоретическое и политическое наследие Ленина, сумел в трудной обстановке исчерпывающе проанализировать новое международное и внутреннее положение, сумел оберечь железное единство ленинской партии вопреки всем оппозициям и справа и "слева". Мысль о том, что в этой великой работе я в течение нескольких лет был только помехой т. Сталину и его ближайшим соратникам, навсегда останется для меня очень тяжелой. Если я получу когда-либо возможность и право вновь общаться с партией, с рабочей массой, то первое, что я должен буду сделать, это - со всей прямоотой рассказать о том, как неверна, как ошибочна была моя борьба против т. Сталина и его ближайших товарищей по руководству партией, выполнивших и выполняющих поистине великую историческую задачу.

С величайшим энтузиазмом читал я все то, что появилось в наших газетах о работах январского 1933 г. об "единого пленума ЦК и ЦКК. Доклады и речи всех т.т., в особенности, конечно, итоговый и программный доклад т. Сталина,

внушили и мне гордость за успехи партии, хотя я и должен был тут же с горечью говорить себе, что все великие успехи первой пятилетки достигнуты вопреки той антипартийной установке, которую разделял я. Социалистическое наступление развертывается и будет развертываться на страх всем врагам пролетариата и вопреки правым и "левым" оппортунистам. Та гигантская работа, которую с напряжением всех сил ведет героическая партия Ленина под руководством т. Сталина, не может не вывести и скоро выведет страну из последних более или менее значительных трудностей. Та формулировка задач социалистического строительства (в частности, в деревне), которую дал т. Сталин на январском об"единенном пленуме и на с"езде ударников-колхозников, является единственно правильной и глубоко ленинской. Ленинский вопрос "кто кого" разрешен. Победа колхозного строя является событием всемирно-исторического значения. Героическая работа партии в области социалистического строительства есть в то же время лучшая работа для дела международной пролетарской революции.

х х
 х

Вина моя перед партией очень велика. Я, имевший возможность учиться непосредственно у Ленина, а затем и у Сталина; я имевший возможность учесть предостерегающие голоса цекистов, старейших, опытных и преданнейших строителей большевистской партии - в трудной для партии обстановке сбился с дороги и сам поставил себя в положение отщепенца.

Я знаю, что дело не только в том, чтобы "разоружиться", как защитнику антипартийных взглядов - дело в том, чтобы вооружиться правильным пониманием партийных взглядов и суметь делом доказать свою преданность им. Смешно было бы и думать, что по отношению ко мне партия может ограничиться требованием простой лояльности и дисциплины.

Нет, если партия сочтет возможным вернуть меня в свои ряды, то, разумеется, лишь в том случае, если она будет убеждена, что я действительно понял и принял все установки и все решения партии и готов где угодно и как угодно доказать это на практике на рядовой работе, под бдительным контролем пролетарской партии.

И вот, товарищи, проверивши себя еще и еще раз, я позволяю себе обратиться к вам. Я прошу вас верить, что я говорю вам правду и только правду. Я прошу вас вернуть меня в ряды партии и дать возможность какой-либо работы для общего дела. Я даю вам слово революционера, что буду одним из самых преданных партийной линии членом партии и что я сделаю все, что только возможно, чтобы хотя бы отчасти загладить свою вину перед партией и ее ЦК.

Товарищи! Вам знакомы, конечно, мои слабые стороны, но вы знаете и то, что я пробыл в партии 31 год, что никакой жизни вне партии для меня нет и быть не может. Я отдаю себе полный отчет в том, что если бы я когда-нибудь отступил еще раз от сказанного в этом письме, я должен был бы навсегда расстаться с мыслью о каком бы то ни было участии в пролетарском коммунистическом движении. Я знаю, что люди, идущие против партии, не имеют никакого основания ждать от вас мягкости. Но я знаю также и то, что человеку, понявшему свои тяжелые ошибки и желающему честно служить партии, никто из вас не откажется помочь выбраться на партийный путь.

Нечего и говорить, что я буду ждать вашего решения с величайшим нетерпением.

С коммунистическим приветом

Г.ЗИНОВЬЕВ

30-яв
НЯ